

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Пейтер, Пётр и Пейр

Ужасно много знают нынешние дети! И не придумаешь, кажется, чего бы они не знали. Рассказ о том, что аист принёс их мамаше с мамашей из пруда или из колодца, считается теперь такую старую историю, что они ей и верить не хотят больше. А, ведь, нет ничего достовернее её!

Но как же попадают малютки в пруд или колодезь? Да, это знает не всякий, но кое-кто всё-таки знает. Вы вглядывались когда-нибудь, как следует, в небо ясною, звёздною ночью? Видели падающие звёздочки? Блестящая звёздочка вдруг скатывается с неба и исчезает! Первые учёные в свете и те не в состоянии объяснить, чего сами не знают, но если знаешь, в чём тут дело – объяснить не трудно. С неба как будто падает и гаснет ёлочная свечка; но это не свечка, а душевная искорка, посылаемая Господом Богом на землю. Попав в густую, тяжёлую земную атмосферу, она вспыхивает последним блеском и делается уже невидимую для нашего глаза, – она, ведь, куда тоньше, эфирнее нашего воздуха. Это дитя неба, ангелочек, только без крылышек: он должен стать человеком. Тихо скользит он по воздуху, ветерок подхватывает его и переносит на цветок – в чашечку ночной фиалки, одуванчика, розы, или гвоздики; там дитя приходит в себя. Легко и воздушно крошечное существо, муха могла бы унести его, а пчела и подавно. И те, и другие и являются пить из цветка сладкий сок; если дитя мешает им, они не выбрасывают его, – им жалко малютку – а выносят его на солнышко и кладут на широкий лист кувшинки. Дитя начинает ползать по листу, сваливается в воду, спит и растёт там, пока аист не увидит его и не отнесёт в семью, которой хотелось иметь такого миленького крошку. Мил он бывает или не мил – зависит, впрочем, от того, что пил малютка: чистую ли влагу источника, или наглотался тины и грязи; тина и грязь делает из

малютки такое земное, низменное существо! Аист же не выбирает, а берёт первого попавшегося малютку. И вот, один попадает в хорошую семью, к прекрасным родителям, другой к таким грубым, суровым людям, в такую безысходную нужду, что лучше бы ему оставаться в пруду.

Малютки совсем не помнят, что снилось им в тени листка кувшинки, под песни лягушек, баюкавших их своим кваканьем: «Ква-ква-ква!» На нашем языке это значит: «Ну, смотрите же, спите хорошенько!»

Не помнят они и того, в каком цветке лежали, или какой у него был запах, но у них остаётся какое-то смутное влечение к тому или к другому цветку, и, выросши, они говорят: «Вот это мой любимый цветок!» Это-то и есть тот самый, в котором они лежали воздушными созданиями.

Аист доживает до глубокой старости, но не перестаёт следить за тем, как живётся малюткам, которых он принёс, и как они сами ведут себя на свете. Конечно, он не может ничего сделать для них, не может изменить условий их жизни, – ему вряд управиться с заботами о своей семье – но всё же никогда не забывает о них.

Я знаю одного старого, весьма почтенного и сведущего аиста, который доставил людям множество малюток и знает историю каждого, а эти истории иногда уж как отзываются тиной и грязью! Я упросил его как-то рассказать мне вкратце биографию хоть одного малютки, а он ответил, что я сейчас услышу биографии целых трёх. Дело пойдёт о семье Пейтерсен.

Это была очень милая семья; муж состоял в числе тридцати двух «отцов города», а это уж было отличием. Он весь отдавался делу этих тридцати двух и от роду ему было тридцать два. В эту-то пору аист и принёс к нему в дом малютку Пейтера. На другой год аист принёс другого, которого называли Петром, и на третий год – третьего; этот получил имя Пейр: все эти имена, ведь, так подходят к фамилии Пейтерсен!

Итак, это были три родных братца, три упавшие звёздочки, лежавшие каждая в своём цветке, а потом попавшие в пруд под листок кувшинки. Оттуда же их вынул аист и принёс в семью Пейтерсен, что живёт в угловом доме, как вам известно.

Мальчики подрастали, развивались и физически, и умственно, и вот, у них уже возникли желания быть кое-чем побольше, нежели их отец – один из «тридцати двух».

Пейтер говорил, что хочет быть разбойником. Он видел в театре «Фра-Дьяволо» и решил, что лучше ремесла разбойника и быть не может.

Пётр хотел быть «мусорщиком», что разъезжает с мусорным ящиком и трещоткой^[1], а Пейр, мальчик милый, послушный, толстенький, сдобный, страдавший лишь одним недостатком – привычкой обкусывать свои ногти – хотел быть «папашей». Так каждый и объявлял, когда их спрашивали, чем они хотят быть.

Вот они начали ходить в школу. Один стал первым учеником, другой последним и третий средним, но это не мешало им быть одинаково добрыми и умными – по словам их весьма опытных родителей.

Они посещали детские балы, курили тайком сигары и преуспевали в познаниях и науках.

Пейтер с ранних лет был упрям, как и подобает разбойнику. Он был очень непослушный мальчик, но это всё оттого, – говорила мамаша – что он страдал глистами; непослушные дети всегда страдают глистами – от тины в желудке. Его строптивость и настойчивость отозвались раз на новом шёлковом платье мамаша.

– Не толкай стола, мой ягнёночек! – сказала она. – Ты опрокинешь сливочник и забрызгаешь моё новое шёлковое платье.

И «ягнёночек» твёрдою рукою взял сливочник и вылил сливки прямо на колени мамаше, а та только ахнула: «Ах, как нехорошо, ягнёночек!» Нельзя было, однако, не сознаться, что у ребёнка твёрдая воля, твёрдая же воля показывает и твёрдость характера, – как тут не радоваться мамаше.

Из него и мог бы выйти заправский разбойник, но всё-таки не вышел. Он только наружностью напоминал разбойника: ходил в мягкой широкополой шляпе, с голою шеей, носил длинные волосы. Ему хотелось быть художником, но пока удалось лишь усвоить себе одежду и манеры художников. Вдобавок ко всему этому не только он сам сильно напоминал собою шток-розу, но и все люди, которых он рисовал, смотрели шток-розами, – такие же длинные,

худые! Пейтер очень любил этот цветок; он, ведь, и лежал когда-то в шток-розе, – объяснил аист.

Пётр лежал в подсолнечнике. И улыбка у него была такая масляная, а цвет лица такой жёлтый, что право, кажется, поскобли его по щеке – из неё закапало бы подсолнечное масло! Ему как будто на роду было написано торговать маслом, – даже вывеска была налицо – но в душе он был и остался «мусорщиком с трещоткою». Он один из всех (и «за всех», – говорили соседи) членов семьи обладал музыкальным талантом. В одну неделю он сочинил семнадцать новых полек, а затем составил из них оперу; в оркестре принимали участие и дудка, и трещотка. Фу, ты, как вышло хорошо!

Пейр был мальчик белый, розовый, маленький и заурядный; он лежал в ромашке. Его частенько колотили, но он никогда не давал сдачи, говоря, что он умнее всех, а умные всегда уступают! Сначала он занимался собиранием грифелей, потом печатей, а потом завёл себе маленькую зоологическую коллекцию; в ней находился скелет колюшки, три слепых крысёнка в спирте и чучело крота. Пейр чувствовал влечение к науке и к изучению природы, что было очень приятно и родителям и ему самому. Он, впрочем, охотнее ходил в лес, чем в школу, охотнее следовал указаниям природы, нежели воспитания. Братья его давно уже обзавелись невестами, а он всё ещё хлопотал над пополнением своей коллекции яиц водяных птиц. Скоро он приобрёл куда более обстоятельные сведения о животных, нежели о людях, и даже полагал, что мы, люди, далеко уступаем животным в том, что сами же ставим выше всего – в любви. Он видел, например, что самка соловья сидит на яйцах, а самец всю ночь развлекает её своим пением: «Клюк-клюк-клюк! Ци-ци! Лю-ли-лю-ли!» Этого Пейр никогда бы не мог взять на себя! Аист же, когда самка его сидит с птенцами в гнезде, всю ночь стоит на коньке крыши на карауле, да ещё на одной ноге! Пейру не простоять бы так и одного часа. Когда же Пейр рассмотрел однажды тенета паука, то окончательно махнул рукою на брак. Господин паук всю жизнь ткал свои тенета, чтобы ловить легкомысленных мух – и молодых, и старых, и полнокровных, и тощих – и высасывать из них кровь, словом, жил исключительно для того, чтобы ткать и кормить свою

семью. Госпожа же паучиха жила исключительно своим супругом, и вот, взяла да и съела его от пущей любви! Съела его сердце, голову, желудок, оставила в тенетах, где он сидел, промышляя для своей семьи, одни его тонкие, длинные ножки. Вот истинная правда, прямо из естественной истории! Пейр увидал это и рассудил: «Вызвать к себе со стороны жены такую необузданную любовь, что она пожрёт тебя?! Нет, до этого не решится дойти ни один человек, да и желательно ли это?»

И Пейр решился остаться холостяком, решился никогда не целоваться и не позволять целовать себя, чтобы не навлечь подозрения в желании вступить в брак. Но поцелуя-то он всё-таки не избегнул, сочного поцелуя смерти! От него не отвертеться никому. Прожил человек свой век, и смерть получает приказ зацеловать его до смерти. Ну, тут и конец человеку! Его поражает солнечный луч свыше, и в глазах у него темнеет. Человеческая душа, упавшая на землю звёздочкою, снова возносится на небо звёздочкою, но уже не для того, чтобы отдыхать в цветке или спать под листом кувшинки. Теперь ей предстоит нечто более важное – вознестись в великую страну вечности. Каково же там – никто сказать не может. Никто не заглядывал туда, даже аист, как он ни дальноророк, как ни сведущ. Он и не знал ничего больше о Пейре, о Пейтере же и Петре мог бы порассказать ещё многое, но о них я уже наслушался довольно, да и вы, вероятно, тоже. Поэтому я поблагодарил аиста за его любезность. Но, что ж вы думаете? Он потребовал с меня за этот простой рассказец три лягушки и змеёныша, – он берёт плату натурою! Хотите вы заплатить? Я не хочу! У меня нет ни лягушек, ни змеёнышей.

^[1] Копенгагенские мусорщики, разъезжая по улицам, дают о себе знать громкою трескотнёю на особой деревянной трещотке.

 Загрузка...